

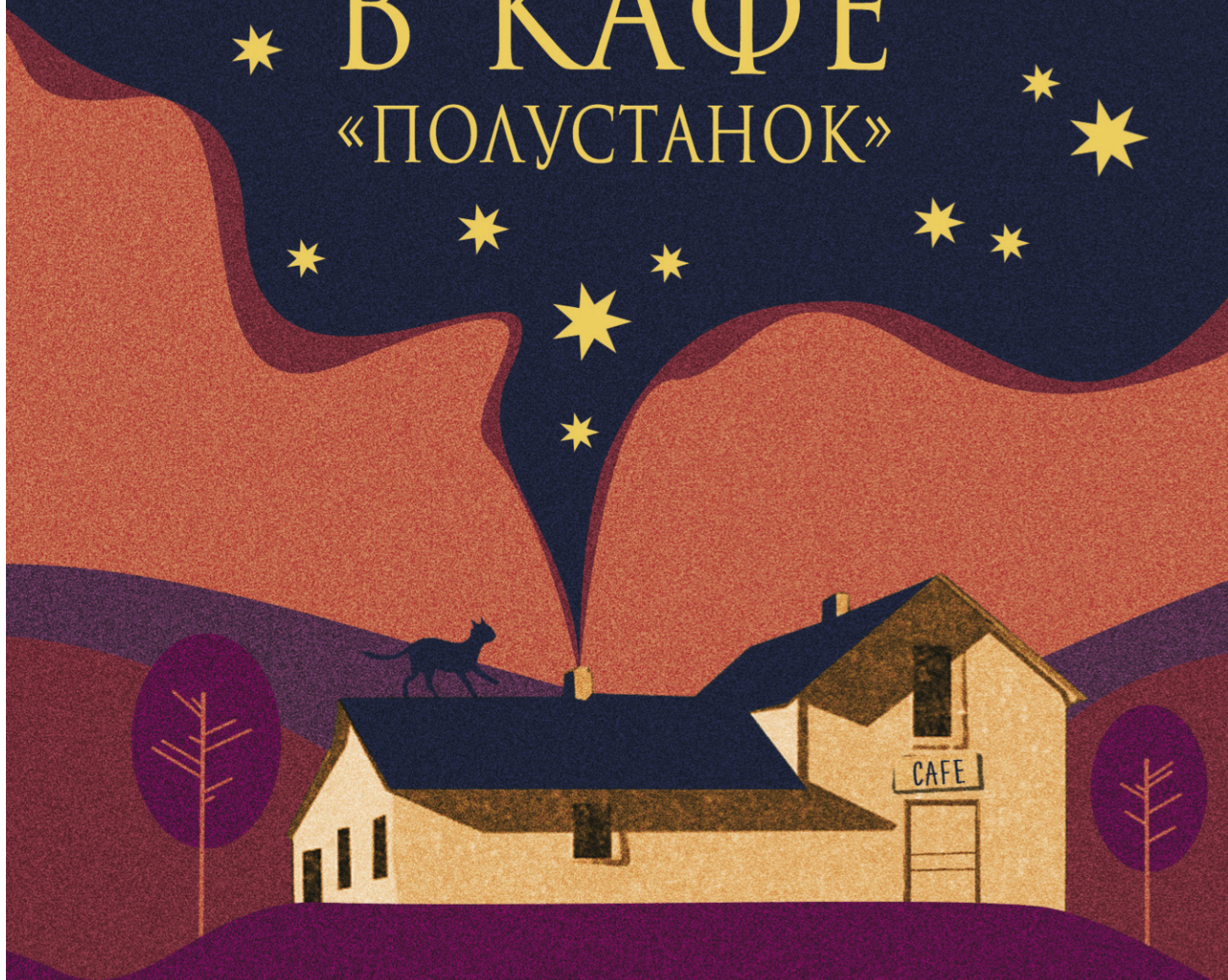
ФЭННИ

ФЛЭГГ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В КАФЕ

«ПОЛУСТАНОК»

Кафе «Полустанок»

ФЭННИ ФЛЭГГ

Возвращение в кафе «Полустанок»

«Фантом Пресс»

2020

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Флэгг Ф.

Возвращение в кафе «Полустанок» / Ф. Флэгг — «Фантом Пресс», 2020 — (Кафе «Полустанок»)

ISBN 978-5-86471-946-6

Любимая многими писательница приглашает вернуться в городок Полустанок, который когда-то прославился своими жареными зелеными помидорами в станционном кафе. Трогательный роман о памяти, прошлом, о месте, куда влекут воспоминания, о волшебстве, которому всегда есть место в нашей жизни. Бадди Тредгуд вырос в Полустанке, с красавицей-матерью Руфью и любимой тетушкой, веселой хулиганкой Иджи. Руфь и Иджи держали кафе, которое обожали все жители Полустанка, да и не только Полустанка. Но время не знает жалости, городок захирел, жители его разъехались кто куда, все заросло бурьяном, дома стояли заколоченными. Печаль и тишина объяли некогда живой и веселый Полустанок, он превратился в город-призрак. Бадди давно уже не только вырос, но и состарился. И все сильнее в нем становилось желание вернуться в счастливое прошлое, еще хотя бы разок пройтись по местам детства, побывать в Полустанке, заглянуть в кафе... И однажды он решается на бегство туда, где он был так счастлив, где жили лучшие люди на земле. В этом ностальгическом приключении к нему присоединятся и другие герои Фэнни Флэгг, милые, смешные, обаятельные и такие родные.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-946-6

© Флэгг Ф., 2020

© Фантом Пресс, 2020

Содержание

Пролог	7
Шериф Грейди Килгор	9
Дот Уимс	10
Иджи Тредгуд	12
Бадди младший	13
Двадцать пять лет спустя	15
Добро пожаловать в мир	18
Американская военная база	20
Еженедельник Уимс	22
Визит	23
Руфи и Брукс	27
Еженедельник Уимс	29
Разные истоки	30
На Колдуэлл-сёркл	32
Еженедельник Уимс	35
Силвер-Спринг, Мэриленд	36
Курорт Каллауэй Гарденс	38
Бад в двух словах	40
Заклинательница пчел	43
Атланта, Джорджия	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

ФЭННИ ФЛЭГГ
Возвращение в кафе «Полустанок»

Посвящается Колин

Fannie Flagg
A Wonder Boy of Whistle Stop

Книга издана при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Александр Сафронов, перевод, 2023

© «Фантом Пресс», издание, 2023

Пролог

Платформа железнодорожной компании «Луисвилл и Нэшвилл»

Бирмингем, Алабама

29 ноября 1938, 8 часов 10 минут

Было зябкое ноябрьское утро. Четкие солнечные лучи, проникавшие сквозь огромную стеклянную крышу вокзала, падали на приехавших и убывающих пассажиров и носильщиков с багажными тележками, деловито сновавших по белому мраморному полу, точно пчелы в улье. Зал наполнился веселым гулом голосов, перемежавшихся паровозными гудками прибывающих и отправлявшихся в путь поездов.

Длинный серебристый состав из Нового Орлеана уже был готов принять бирмингемских пассажиров на 7-й платформе «Полумесяц», и мистер и миссис Артур Дж. Хорнбек, собравшиеся в Нью-Йорк за ежегодными рождественскими покупками, поспешили на посадку.

Миссис Хорнбек, обремененная шестью большими шляпными коробками, по три в каждой руке, радостно шествовала по проходу, чиркая своим грузом по головам дремлющих пассажиров. Мистер Хорнбек с газетой под мышкой держался в пяти шагах позади.

Примерно через двенадцать с половиной минут, после того как все коробки благополучно расположились на полках, а шубка заняла место в купейном гардеробе, миссис Хорнбек смогла облегченно выдохнуть и насладиться поездкой. Она выглянула в окно как раз в тот момент, когда состав миновал железнодорожный переезд Полустанка, штат Алабама. На глаза ей попался светловолосый мальчик в линялом комбинезоне, который, стоя у путей, махал рукой проходящему поезду. Дома у миссис Хорнбек остался сынок тех же лет, и она, улыбнувшись, помахала мальчику в ответ. Заметив ее приветствие, мальчуган побежал вдоль путей, стараясь держаться вровень с вагонным окном, пока поезд не набрал ход. Миссис Хорнбек смотрела на уменьшавшиеся фигурки мальчика и его песика, пока те не скрылись из виду.

Через долгую паузу она озабоченно сказала:

– Знаешь, Артур, у малыша нет одной руки.

– Что ж, согласен, – ответил ей муж, не отрываясь от газеты.

Миссис Хорнбек вздохнула и, откинувшись на сиденье, потербила тройную нитку жемчуга.

– Какая жалость! Ему лет семь-восемь, и он такой милый... Бедняжка... Мой кузен Чарльз лишился мизинца, а тут целая рука. Да что ж такое с ним случилось?

Супруг ее поднял голову.

– Что ты сказала?

– Я говорю, как же мальчик потерял руку? Что произошло?

Мистер Хорнбек, поднаторевший в констатации очевидного, ответил:

– Видимо, что-то случилось.

* * *

Встреча та длилась меньше минуты, но с тех пор каждый год, минуя переезд у Полустанка, миссис Хорнбек выглядывала в окно, надеясь вновь увидеть парнишку. Но его не было, и всякий раз она говорила мужу:

- Интересно, что стало с тем милым одноруким мальчиком?
- Поди знай, – отвечал мистер Хорнбек.

Шериф Грейди Килгор

Полустанок, Алабама

24 января 1991

Семидесятилетний Грейди Килгор, медвежьего облика здоровяк с бочкообразным торсом, до 1958 года был шерифом Полустанка, а потом вместе с женой Глэдис перебрался в штат Теннесси. Нынче он и его внук приехали сюда из Нэшвилла и, стоя на путях, смотрели на противоположную сторону улицы, где некогда располагалось кафе «Полустанок». Сейчас оно, обвитое пуэарией, было почти неразличимо.

– Вон старая почта, которой заведовала Дот Уимс, – Грейди показал на соседнее здание, – а рядом салон красоты Опал Баттс, где по субботам твоя бабушка делала себе прическу.

Озираясь, он печально подмечал разительные перемены, произошедшие с городком.

После строительства кольцевой шестиполосной автомагистрали старое двухполосное шоссе из Бирмингема в Полустанок зачахло, и здешние окрестности превратились в свалку. Вдоль путей ржавели, разваливаясь на части, старые легковушки и грузовики. Повсюду пустые пивные банки и бутылки из-под виски. И горестная, прежде не виданная мета времен – россыпь наркоманских причиндалов.

Баптистская церковь, где преподобный Скроггинс читал воскресные проповеди, совсем обветшала: витражные окна разбиты, моленные скамьи вынесены и распроданы. Кое-какие старые здания уцелели, среди них дом Тредгутов, но и он дышал на ладан. Вандалы постарались от души. Грейди глянул на внука и покачал головой.

– Вспоминаю, как здесь было раньше, и от нынешнего зрелища прям воротит. Пусть не открыточный красавец, но городок всегда был чистенький. А теперь стал помойкой. Вон, дом Тредгутов весь измалеван, окна высажены. Сейчас по нему не скажешь, а ведь был самым красивым в городе. Хоть убей, я не понимаю, отчего Полустанок в таком упадке. Даже ходил слух, что город продан с потрохами, мол, дома все снесут, а на их месте построят шинный завод. – Грейди опять посмотрел через дорогу и вздохнул. – Кто бы объяснил, почему старое кафе в таком запустении. Это неправильно. Туда ходили, как в гости к добрым друзьям. Там хозяйничали две замечательные девушки. Иджи Тредгуд и Руфь Джемисон. У них столовался весь город, все путейцы с семьями. В каждое Рождество хозяйки и повариха Сипси накрывали шикарный стол, мы угощались, открывали подарки, пели гимны...

Грейди вдруг всхлипнул. Поспешно отвернувшись, он высморкался в носовой платок и смущенно взглянул на внука.

– Извини. О господи... Зря я пустился в воспоминания, но уж больно славно было в том старом кафе. У Руфь рос сынок, малыш Бадди. Бедняга. Лишился руки, когда был чуть старше тебя. – Грейди аккуратно сложил и спрятал платок в карман. – Хочешь верь, хочешь нет, но вот послушай. Пару лет назад мы с твоей бабушкой на Рождество поехали в Бирмингем навестить Опал Баттс. Пока женщины хлопотали с готовкой, я втихаря смотался сюда. Стоял вот на этом самом месте и вдруг услышал звуки пианино, сперва тихие-тихие, и смех, доносившиеся из кафе. Там никого не было, но, ей-богу, я слышал и музыку, и веселье. Как, по-твоему, это объяснить?

Внук потер ладошки.

– Не знаю, дедушка. Пошли, а? Я уж замерз.

Дот Уимс

Полустанок, Алабама

1935

Дот Уимс, миниатюрная дружелюбная женщина, просто любила поболтать. В молодости она подумывала о литературной карьере по примеру своего кумира Эдны Фербер¹. Но в семнадцать лет влюбилась в «мужчину своей мечты» и вышла за Уилбура Уимса.

Позже Дот частенько шутила – мол, хоть не стала знаменитой писательницей, все равно она «сочинительница». Помимо того, что шестнадцать лет единолично заведовала почтой, Дот была корреспондентом и редактором вестника местных новостей, выходившего под шапкой

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК УИМС

(НОВОСТНОЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ПОЛУСТАНКА, АЛАБАМА)

«Никаких сплетен, друзья, только голые факты!»

Нынче вышел в свет свежий номер вестника, и с утра все жители поголовно с ним ознакомились.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК УИМС

(НОВОСТНОЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ПОЛУСТАНКА, АЛАБАМА)

30 ноября 1935 г

ПОХИТИТЕЛЬ ИНДЕЙКИ

Привет, народ! Надеюсь, все хорошо отметили День благодарения. Уж Кутеру, старому псу Уилбура, жаловаться грех. Да, это его вы видели на городских улицах, когда он мчался с моей запеченной индейкой в пасти. Стоило мне отвернуться, как он слямзил ее со стола и рванул прочь, рассыпая начинку по гостинной. Уж эти мне мужчины и их собаки! Слава богу, моя

¹ Эдна Фербер (1885–1968) – американская писательница, сценарист и драматург.

соседка Нинни Тредгуд сжалилась над нами и пригласила нас с Уилбуром на праздничный обед, а то бы мы остались с носом! Кроме восхитительной индейки, приготовленной Нинни, мы угостились картофельным пирогом от Сипси, который из кафе прислала Иджи. Так что все хорошо, что хорошо кончается, как сказал мистер Шекспир. Ням-ням.

Теперь важная новость. Похоже наш город отмечился редкой археологической находкой! Где? По словам Иджи Тредгуд, прямо на наших задворках! В смысле, на заднем дворе кафе. Иджи поведала, что они с малышом Бадди копали червей для рыбалки и наткнулись (держитесь за стулья, ребята!) на зуб динозавра, которому пять миллионов лет! Находка выставлена в кафе, кто желает взглянуть – милости просим.

Хорошая новость из салона красоты: там наконец-то починили сушилку для волос; если на прошлой неделе ваш визит в салон сорвался, Отти Баттс работает сверхурочно и вас обслужит. Конечно, это обрадует дам, которые собираются на субботний ужин в «Клубе лосей»². Меня тоже.

Еще приятная новость: шериф Грейди сообщает, что и в этом году обошлось без преступлений, если не считать мелких потасовок граждан, перебравших «Старины Виски». Спасибо, Грейди.

Ваша верная писака

Дот Уимс

P. S. Напомните ребятишкам написать Санта-Клаусу. Скажите им, что до Северного полюса письма идут долго, а ему нужно время, чтобы сделать все игрушки.

За ужином Уилбур Уимс, тощий долговязый мужчина, посмеивался:

– Благодаря тебе, Дот, нынче весь город поперся в кафе, чтобы увидеть зуб динозавра.

– Знаю. Я сама там была. – Дот подложила ему картофельного пюре из кастрюльки. –

Как думаешь, он настоящий?

Уилбур прихлебнул чаю со льдом.

– Зная Иджи, я сомневаюсь. Она обожает всякие розыгрыши. Помнишь ее прошлогоднюю банку с окаменевшей двухголовой лягушкой? Потом оказалось, что лягва резиновая.

– Да что ты!

– Ну да. Иджи купила ее в бирмингемской «Лавке чудес».

– Надо же! – Дот поставила перед мужем тарелку с кукурузным хлебом. – Что еще она удумает?

– Кто ее знает. Но что-нибудь потешное, уж точно.

² Общественный клуб; основан в 1868 г., участвует в благотворительных мероприятиях.

Иджи Тредгуд

Полустанок, Алабама

Как и все в городе, чета Уимс давным-давно знала и любила Иджи Тредгуд. Светловолосая девочка с коротко стриженными кудряшками, слишком рослая для своих лет, всегда была сорванцом. Едва научившись ходить, она играла с мальчишками и лазала по деревьям. Вечно сидела на огромной мелии, росшей в палисаднике, или на крыше дома. Мать говорила, что Иджи, умевшая залезть куда угодно, наверняка произошла от обезьяны.

Как-то раз, ей было лет шесть, она играла неподалеку от депо. Матушка ее вышла подмести крыльцо и, взглянув на проходящий пятичасовой поезд в Атланту, на крыше вагона увидела свою дочурку, махавшую ей рукой.

Конечно, с матерью, решившей, что ребенок ее вот-вот свалится и погибнет, случилась истерика. К счастью, успели послать телеграмму на следующую станцию Пелл-Сити, где Иджи, целую и невредимую, сняли с вагона. В детстве она и ее младший братишка Джулиан преклонялись перед своим старшим братом Бадди. Это он научил ее стрелять, рыбачить, играть в футбол и бейсбол. Если ее на что-нибудь подстрекали, она это делала. Все считали ее слишком смелой для девочки.

Однажды в школе мальчишка забросил змею в женский туалет, и девчонки с диким визгом выскочили вон. Все, кроме Иджи. Она схватила змею, кинулась вслед за хулиганом, поймала его и засунула гадину ему под рубашку. Узнав об этом происшествии, преподобный Скроггинс взял за основу своей воскресной проповеди 132-й псалом: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!»

Однако Иджи не слышала этих наставлений. Обычно по воскресеньям они с Бадди рыбачили – ловили сомов на реке Черный Воин.

Иджи всегда была этакой взбалмошной и неугомонной, но после гибели Бадди в несчастном случае на путях пошла, что называется, вразнос. Она пропадала в Ривер-клубе, хороводилось со шпаной, выпивала, играла в карты. Не слушалась никого. До тех пор, пока в Полустанке не появилась двадцатилетняя Руфь Джемисон, приехавшая преподавать в приходской школе. И тогда Иджи почему-то остепенилась. Неизвестно, что бы с ней стало, говорила ее матушка, если б не Руфь. Но когда та уехала домой в Джорджию и вышла замуж, Иджи опять слетела с катушек.

Однако через пару-тройку лет, когда Руфь ушла от мужа и вернулась в Полустанок, отец дал Иджи пятьсот долларов для начала собственного дела. Она купила кафе, в котором стала хозяйничать вместе с Руфью. Мамаша и папаша Тредгуды надеялись, что теперь-то дочь угомонится. И она угомонилась. Почти. Верная себе, порой Иджи совершала такое, чего делать не следовало. И о чем не ведала Руфь.

Бадди младший

Полустанок, Алабама

8 июля 1939

Малыш Руфи был принят в семью Тредгудов с момента своего рождения. Руфь назвала его Бадди младший в честь их погибшего сына. Мамаша и папаша Тредгуды, а также Клео и Джулиан, братья Иджи, заботились о нем и помогали его поднять.

Нинни Тредгуд, милая дама, вместе с мужем Клео, одним из братьев Иджи, жила неподалеку от кафе. В то время у нее была кошка, родившая восемь котят. Десятилетний Бадди каждый день приходил к Нинни и часами играл с котятами. Ему было хорошо с тетушкой Нинни, а той нравилось его общество.

Как-то раз она заглянула в кафе и сказала:

– Руфь, твой мальчик воистину почемучка.

– Вот как? – улыбнулась та.

– Он засыпает вопросами: почему котята мурлычут, почему у кроликов длинные уши?

Нынче пришел ко мне и спрашивает: «Тетя Нинни, почему куры не летают, хотя у них есть перья и крылья?» Хороший вопрос, милый, говорю я. Будь я курицей, я-то, конечно, улетела бы, если б могла, увидев, что ко мне приближается повариха Сипси с большой сковородкой.

И верно, Бадди интересовало все: кто едет в проходящих поездах? А куда? Что они будут делать, когда приедут на место?

Разумеется, Иджи считала его любознательность знаком гениальности и того, что когда-нибудь он совершит нечто великое. В том она ни капли не сомневалась.

Даже когда Бадди, заигравшись на путях, лишился руки, Иджи как будто не замечала его увечья.

Нынче они отправились рыбачить на озере. Бадди долго смотрел на воду, а потом спросил:

– Как думаешь, тетя Иджи, стоит послать валентинку Пегги Хэдли?

– Почему бы и нет? Она же тебе нравится?

– Ну да.

– Тогда, конечно, надо послать.

Помолчав, Бадди сказал:

– Только вот не знаю, нравлюсь ли ей я.

Иджи посмотрела на него.

– Конечно, нравишься. Кому же не понравится самый умный и красивый мальчик на свете? Найдется ли такой человек? Кроме того, она сама мне о том сказала.

– Она так сказала?

– Ага. Только не выдавай меня.

Бадди улыбнулся и через пару минут спросил:

– Интересно, почему сомы усатые?

– Не знаю, милый, но у тебя, по-моему, клюет.

Бадди вытаращился на поплавок.

– Ух ты!

После недолгой борьбы он выудил рыбку.

- Ого! Ты глянь, тетя Иджи! Интересно, сколько она весит?
- Никак не меньше двадцати фунтов.
- Думаешь?
- Нет, но маме твоей скажем, что именно столько, идет?
- Ладно.

Маму Бадди любил, но лучшим другом его была тетя Иджи. С ней он играл в футбол и бейсбол. С ней пускался во всякие приключения.

Давеча она прочла в «Сельском календаре», что в ближайший вторник ожидается сильный метеоритный дождь. Тем вечером они уселись на заднем крыльце и смотрели на небо в росчерках падающих звезд. Вдруг Иджи схватила бейсбольную перчатку и кинулась во двор. Через минуту раздался ее восторженный возглас:

- Есть, поймала!

Она бегом вернулась к Бадди и вручила мальчику свою добычу:

– Вот, я поймала твою счастливую звезду. Понимаешь, что это значит, да? Отныне, малыш, тебе во всем сопутствует удача.

Конечно, это был обыкновенный камушек, но Бадди пришел в восторг. Ему не терпелось узнать, какую удачу приготовило будущее.

Двадцать пять лет спустя

Фэрхоуп, Алабама

21 декабря 1964

Некогда Полустанок, располагавшийся в десяти милях от Бирмингема, был весьма оживленным городком, который давал занятость двум с лишним сотням путейцев. Однако с уменьшением пассажирского потока и закрытием большой сортировочной станции народ стал искать работу в других местах, и городское население пошло на убыль. Многие стали покидать Полустанок, еженедельный вестник Дот сообщал все меньше новостей. Обитатели Полустанка сколько могли цеплялись за прежнюю жизнь, но подлинным началом ее конца стали внезапное закрытие кафе Иджи Тредгуд и отъезд его хозяйки во Флориду. Еще долго после этого старики и мальчишки заглядывали в щели ставен на окнах кафе, не веря, что это случилось. Но оно случилось. Исчезли кафе и салон красоты, чуть позже Почтовая служба США упразднила свое отделение в Полустанке, и некогда деловой квартал, средоточие общественной жизни, превратился в длинную безлюдную улицу. Город как таковой сгинул, и его оставшиеся жители очутились посередине неведомо чего, где нет работы и возможности что-либо купить. В конце концов даже самые упертые старожилы вроде Дот и Уилбура Уимс были вынуждены принять неизбежное и уехать.

Теперь они жили в городке Фэрхоуп на юге Алабамы, занимая небольшой белый дом неподалеку от бухты Мобил. Дот нравилось их новое место обитания, но она скучала по старым друзьям и соседям, всем тем, с кем вместе росла или кто вырос на ее глазах. И хотя почти все они разъехались кто куда, Дот поддерживала с ними связь. Они тоже с ней связывались по телефону либо письменно, извещая о своем житье-бытье.

«Еженедельник Уимс» больше не выходил, но теперь каждый год она всем рассылала «Рождественское письмо», стараясь сохранить былые узы.

Вот и нынче Дот, заправив карандаш за ухо, подседа к кухонному столу, заваленному письмами, фотографиями, ластиками и блокнотами, и расчистила место для пишущей машинки «Роял». Она уже изготовилась печатать, но тут в кухню на цыпочках вошел Уилбур в клетчатом халате, налил себе кофе и неслышно удалился. Муж знал, что нельзя отвлекать ее разговорами, когда она работает. Дверь за ним закрылась, и Дот ударила по клавишам.

РОЖДЕСТВО 1964

Ну что, народ,

Хотите верьте, хотите нет, но вот еще один год прошел. Растолкните, это мне кажется или 25 декабря и впрямь подступает слишком быстро? Ведь всего неделю назад мы отметили 4 июля, верно? Нынче Рождество подкатило так стремительно, что я еле успела разобраться со своими записями. Вот они.

Новости с домашнего фронта: я рада сообщить, что после падения с заднего крыльца Уилбур охромел, но, по счастью, не «охренел». Он всем передает привет. Мы очень благодарны за все ваши пожелания скорейшего выздоровления. Они крепко подбодрили моего старого ворчуна.

Как всегда, Иджи Тредгуд дала отличный старт праздничным дням, прислав нам баночки собственного меда и большую коробку флоридских апельсинов. Пишет, что солнце светит, а бизнес процветает. Еще сообщает, что ее брат Джулиан всех и каждого одаривает улыбкой, похваляясь новенькой вставной челюстью.

Из Теннесси написала Глэдис Килгор: в мае шериф Грейди наконец-то уйдет в отставку, и они планируют съездить во Флориду в гости к Иджи и Джулиану, а на обратном пути, возможно, заглянут к нам. Очень на это надеюсь.

Печальное известие: в этом году от нас ушел Альберт Тредгуд, сын Клео и Нинни. Невероятно милый мальчик. И вот еще: с грустью сообщаю, что жена Джесси Рэя Скроггинса опять подала на развод. Скверно. Надеюсь, они разберутся. Недавно я узнала, что Сипси Пиви хворает и теперь живет у своего сына Большого Джорджа и его жены Онзеллы. 11 февраля ей стукнет девяносто восемь, уж поздравьте ее открыткой, если будет такая возможность. Это ж сколько она проработала в кафе Иджи и Руфи? Никак не меньше двадцати пяти лет. А что вы бы отдали за тарелочку ее жареных зеленых помидоров? Я бы не пожалела миллиона, будь он у меня.

Срочная новость: Опал Баттс опять переместила свой салон красоты, пишите ей по новому адресу – Бирмингем, Гостевой дом Капри, 2012 Хайлэнд-авеню. Это новомодное пристанище разудалых холостяков, и ей там очень весело, хоть сама она не первой молодости. Вдобавок я рада сообщить, что ее дочь Джуэл Энн пошла по стопам матери и посещает косметические курсы. Опал говорит, дочка намерена заняться укладкой волос «пляжные волны» и коррекцией бровей. Про последнее я даже не слышала, это, видимо, писк моды. Я-то по старинке накручиваю бигуди, а бровям предоставляю полную свободу роста.

Пропади я пропадом, но в преддверии нынешнего Рождества я почему-то слегка затосковала по старым временам. Вы помните, как чудесно отмечали мы этот праздник в кафе, куда навевывался весь город, включая кошек и собак? Помните, как шериф Грейди наряжался Санта-Клаусом и раздавал подарки? И как Иджи украшала сверкающими красными шарами голову оленя, что висела над стойкой? У меня столько сладких воспоминаний о тех днях. Помните особый рождественский подарок для маленького Бадди Тредгуда? Я помню. Разве забудешь то выражение на его мордашке?

Конечно, я рада, что еще жива, но иногда так хочется сесть на ковер-самолет и перенестись в старые добрые времена Полустанка, правда же? Кто-нибудь еще помнит, как на параде 4 июля семилетняя Иджи Тредгуд вышагивала в костюме Дяди Сэма? Я в жизни не видала ничего уморительнее, а мамаша и папаша Тредгуды просто лопались от гордости. А помните хулиганства членов клуба «Маринованный огурец», в который входили Иджи и моя вторая половина? Кто, по-вашему, затащил козу на крышу дома преподобного Скроггинса? Доказательств нет, но я подозреваю, что это сделали Иджи и ее дружки. А устроенная клубом благотворительная «свадьба без женщины»? Шериф Грейди, шести футов и четырех дюймов росту, в подвенечном наряде невесты стыдливо шествовал по проходу. О господи, все это лишь крохи моих воспоминаний. Я была бы признательна за описания ваших любимых моментов из жизни Полустанка, которые вставлю в следующее Рождественское письмо.

Вы знаете, как я люблю заканчивать послание на радостной ноте, и нынче для этого есть преотличнейший повод. 9 ноября сего года Бадди и Пегги Тредгуд приветствовали появление на свет дочки, которую назвали Норма Руфь. Наверняка ее двоюродная бабушка Иджи до сих пор вне себя от счастья. Жаль только, Руфь Джемисон, мать Бадди, не дожила до встречи с маленькой внучкой, поименованной в ее честь. Бадди все еще в Германии, служит ветеринаром в подразделении К-9 американской армии, но Пегги надеется, что в течение года они вернутся домой. Еще она пишет, что Бад, как военнотружаший, получил отличный протез, гораздо лучше всех прежних. Что ж, ему нужны две крепкие руки, чтобы поднять малышку Руфи. Она весит почти восемь фунтов.

Все никак не могу поверить, что двое детишек, босиком гонявшие по Полустанку, стали взрослыми и у них уже свой ребеночек. Ладно, как говорится, семпер фиделис³.

За сим прощаюсь, а вы приезжайте к нам в гости, как только сможете. Мы живем рядышком с бухтой Мобил, и Уилбур всем говорит «как-нибудь подгребайте». Шутка такая. Ха-ха. Мужчины!

Ну, до следующего года. Веселого Рождества и счастливого Нового года!

Ваша верная писака

Дот

Она вытасила лист из каретки, и Уилбур, дожидавшийся в коридоре, легонько стукнул в дверь.

– Ты закончила?

– Кажется, да. Входи.

Уилбур, уже одетый, чтобы отправиться в типографию и размножить текст на мимеографе, вошел в кухню. Дот вручила ему письмо. Как всегда, ей не терпелось услышать отзыв мужа, и она, даже не дав ему дочитать, спросила:

– Ну, что скажешь?

Уилбур улыбнулся и кивнул.

– По-моему, здорово. Только, милая, ты, наверное, имела в виду «темпус фугит»⁴, а не «семпер фиделис».

– Разве это не означает «время летит»?

– Нет, «семпер фиделис» – девиз морских пехотинцев.

– Ой, точно! С утра голова совсем не варит. Спасибочки огромное, что заметил.

– На здоровьечко огромное.

– Что бы я без тебя делала?

– Такой же вопрос я задаю себе ежедневно.

³ *Semper fidelis* – всегда верен (лат.).

⁴ *Tempus fugit* – время бежит (лат.).

Добро пожаловать в мир

Киссимми, Флорида

9 ноября 1964

Вскоре после переезда во Флориду Иджи Тредгуд с помощью своего брата Джулиана открыла собственное предприятие под названием «Свежий мед от счастливой пчелки и фруктовая лавка». Располагалось оно в заурядном деревянном сарае, но поскольку тот стоял на обочине оживленной дороги, дела шли хорошо.

В первых числах ноября Бадди и Пегги обещали известить о рождении ребенка, не мешкая. Срок родов приближался, и в ожидании сообщения взволнованная Иджи беспрестанно заскакивала из лавки домой, и вот телеграмма наконец-то пришла.

Моментально вскрыв и прочитав депешу, Иджи выскочила на застекленную веранду и крикнула брату, обитавшему в соседнем доме:

– Джулиан! Ура-а! Девочка, назвали в честь Руфи! Мать и ребенок чувствуют себя хорошо! Ура-а!

Она так взбудоражилась, что вернулась в дом и сразу села за письмо.

Почтовый ящик 346

Киссимми, Флорида

Дорогая маленькая мисс Руфь Тредгуд,

Только что я узнала, что нашего полку прибыло на семь фунтов и девять унций. Молодчина! От всей души поздравляю тебя с прибытием в этот мир! Тебе здорово повезло с твоим шалопаем папочкой и твоей мамочкой Пегги, которая тебя безумно любит. Я невероятно рада, что тебя назвали в честь твоей бабушки Руфи. Знай, что Руфь Джемисон была самым чудесным человеком на свете, и она, конечно, гордилась бы таким знаком уважения. Твой папа говорит, ты – вылитая бабушка: большие карие глаза, и вообще ты просто загляденье.

Я не знаю, что дарят малышам, и покамест я соображу, посылаю всю свою любовь тебе, твоим маме и папе. Дядя Джулиан присоединяется.

Целую,

Твоя тетя Иджи

P. S. Как немного подрастешь, приезжай проведать меня, старушку, ладно?

Иджи бросила письмо в почтовый ящик и вернулась в дом, улыбка не сходила с ее лица. Ого-го! На свете появилась новенькая Руфь! Переполнявшая радость не давала заняться каким-нибудь делом. Иджи цапнула шоколадный батончик, отыскавшийся в кухонном шкафу, и уселась на веранде, смакуя шоколадку и раздумывая о будущем. Малышке еще не исполнилось и дня, а тетушка уже строила грандиозные планы их совместных забав, которые перебил вдруг возникший образ из прошлого: весенний день, Руфь Джемисон, молодая и красивая, сидит на полянке, улыбается подруге. И если б эта девушка дожила до сегодняшнего дня, она

бы стала бабушкой. Разве такое возможно? Как ни старалась, Иджи не могла представить Руфь седой морщинистой старухой. Подруга навеки запомнилась юной и красивой.

Будь в моей власти остановить время, прежде размышляла Иджи, оно бы замерло на той поре, когда обе мы были совсем молодыми. Да, но тогда на свет не появился бы Бадди, не родилась бы его малышка... Как ни огорчительно, но жизнь, выходит, знает, что делает. Поди разберись. В конце концов, Иджи оставила попытки найти ответ, приняв за неоспоримый факт, что жизнь – великая тайна не для ее ума. Главное, частичка Руфи жива, поскорее бы ее увидеть.

Американская военная база

Баумхольдер, Германия

31 декабря 1964

Подморозило до пяти градусов, падал снег. Пегги Тредгуд, рыжеволосая веснушчатая женщина, вернулась из военторга.

– Привет, Бад! – крикнула она. – Пришло «Рождественское письмо» от Дот.

Высокий кареглазый блондин оторвался от изучения медицинской диаграммы.

– Чудесно. Как они там?

– Пока не знаю. – Повесив пальто и шляпку, Пегги под села к мужу, вскрыла конверт и стала читать письмо. – У них все хорошо. Они вроде как прижились в Фэрхоупе... Пишет, Иджи прислала им мед и апельсины... Джесси Рэй Скроггинс опять разводится...

– Не везет бедняге.

– Я не удивляюсь. Это очень огорчительно для его отца, преподобного Скроггинса... Так, что еще... ага, вот... Дот всех извещает, что у нас родилась дочка, которую мы назвали в честь твоей матери... она уверена, что Иджи вне себя от счастья...

– Приятно, – улыбнулся Бад.

Пегги рассмеялась:

– Говорит, что помнит нас босоногими малышами...

Бад откинулся в кресле и сложил руки на груди.

– Милые старики Дот и Уилбур... я ужасно по ним скучаю, а ты?

– Я тоже, – кивнула Пегги. – Дот поведала о твоём новом протезе... пишет, что ей не хватает наших веселых рождественских праздников в кафе... просит поделиться самыми дорогими воспоминаниями о Полустанке... – Пегги взглянула на мужа. – Но их так много, что выбрать нелегко.

– Не скажи. Я, например, знаю, чем бы я поделился.

– Чем же?

Бад лукаво усмехнулся.

– Воспоминанием об одной ночи на озере Дабл-Спрингс.

Пегги, покраснев, всполошилась:

– Вот только посмей!

– Не бойся, никому не расскажу, – засмеялся Бад. – Но, согласишься, есть что вспомнить!

Проснулась и захныкала Руфи. Бад подскочил к колыбели, взял дочку на руки.

– Ты ее вконец избалуешь, – рассмеялась Пегги.

– Ну и что? Пусть растёт балованной. – Бад расхаживал по комнате, воркуя над малышкой. – С добрым утром, моя красавица! Папочка тебя любит, как никто!

Пегги покачала головой.

– Господи! Можно подумать, она первый и единственный младенец на всем белом свете!

– Да, она единственная. И неповторимая, – сказал Бад, покачивая ребенка. – Ты у нас уникальная, правда, малышка?

Пегги подошла к нему.

– Нашей уникальной надо срочно сменить подгузник.

Бад неохотно расстался с дочкой.

По правде, крошку Руфи оба любили безумно. Они так долго ждали ребенка и теперь были на седьмом небе. Особенно Бад. Он всегда мечтал о дочке, и вот она появилась.

Еженедельник Уимс

Фэрхоуп, Алабама

Рождество 1970

Ну что, друзья, минул еще год, а мы пока живы и брыкаемся. По крайней мере, я. Уилбур уронил молоток себе на ногу, у него сломан палец, так что он не очень-то брыкается. Но я рада сообщить, что муженек мой наконец-то обзавелся слуховым аппаратом, и теперь я избавлена от необходимости орать. Попробуйте играть в бинго с глухим как пень.

А сейчас передаем, так сказать, последние новости.

Получено премилое фото Бада и Пегги с маленькой Руфи. Удивительно, как малышка выросла с прошлого года. Семейство стоит перед новеньким зданием «Ветеринарной клиники Тредгуда» в Силвер-Спринг, штат Мэриленд, своем нынешнем месте жительства. Признаюсь, я рада, что они вернулись на родину. Очень приятно видеть фамилию Тредгуд на красивом доме. Наш Бад добился многого, мы им ужасно гордимся.

Кстати, о Тредгудах: моя давняя подруга и бывшая соседка Нинни Тредгуд прислала дорогие ее сердцу воспоминания о Полустанке. Она вспоминает субботние утра, когда Иджи сажала всех городских ребятишек в свою старенькую машину и везла их в Бирмингем, где они смотрели кино, угощаясь попкорном и колой. Нинни говорит, никто не любил детей так, как Иджи. Я с ней согласна.

Грустные новости. На День благодарения Грейди Килгор ездил в Бирмингем и побывал в Полустанке. Он говорит, пропал городской знак на железнодорожном переезде – видимо, кто-то спер. А преподобный Скроггинс пишет, что сын его Джесси Рэй опять разбил машину. Это уже третья.

Закончу на хорошей ноте. Наша старая подруга Опал Баттс случайно встретила Альберту, внучку Сипси. Оказывается, теперь девушка живет в Бирмингеме, ходит на курсы изысканной кулинарии и надеется стать шеф-поваром. Молодец! Возможно, она будет новой Джулией Чайлд⁵.

Веселого Рождества, ребята!

Ваша верная писака

Дот

P. S. Мы с Уилбуrom уже не ходим в кино. Подскажите какие-нибудь интересные телешоу. Нам нравятся ведущая Кэрол Бёрнетт, «Скрытая камера» и викторина «Угадай, кто я?». А вы какие телешоу любите?

⁵ Джулия Чайлд (1912–2004) – шеф-повар, соавтор книги «Осваивая искусство французской кухни», телеведущая кулинарного шоу.

Визит

Киссемми, Флорида Ноябрь

1971

Едва Иджи открыла свою фруктово-медовую лавку, как некто позвонил ей во Флориду и сделал хорошее предложение. Так что кафе она продала по телефону. Выручка составила всего несколько сотен долларов, но их как раз хватило на покупку домика в розовой штукатурке по соседству с жильем брата Джулиана. Иджи понравились застекленная веранда и жестяной белый лебедь на входной двери.

Руфи Тредгуд много слышала о своей двоюродной бабушке Иджи, ежегодно поздравлявшей ее с днем рождения открыткой, но никогда не видела живьем. К шестилетию внучатой племянницы Иджи прислала фотографию, сделанную на страусиной ферме: она верхом на страусе. «Поздравление от двух старых куриц», гласила подпись.

За месяц до седьмого дня рождения дочки Бад сказал жене:

– Милая, не взять ли нам недельку отпуска и попутешествовать? Я бы хотел съездить во Флориду, проведать тетю Иджи. Мы уж давно не видались, и она горит желанием встретиться с Руфи. Неплохо бы их познакомить, как ты считаешь?

– Конечно, отличная идея.

И вот рассчитали даты, упаковали чемоданы, и троица собралась во Флориду. Получив известие об их приезде, Иджи, охваченная неописуемым восторгом, сплясала джигу. Вскоре весь город вплоть до окрестностей и проезжих незнакомцев был в курсе того, что племянница из Мэриленда едет к ней в гости.

* * *

Иджи и Джулиан, загоревшие под флоридским солнцем, поджидали гостей в палисаднике. Бад порадовался тому, что, несмотря на прибавившиеся морщины и снежную белизну, укрывшую коротко стриженные волосы тетушки, в ярко-голубых глазах ее по-прежнему прыгали чертики.

Покончив с приветственными объятиями, Иджи сказала девочке:

– Ты просто копия бабушки Руфи, вас не отличишь. – Она подмигнула Баду. – Твой папа был самым симпатичным мальчиком на свете, но ты его обошла, против фактов не поспоришь. Ты однозначно самая красивая девочка на земле и заслуживаешь миску мороженого, согласна?

– Да, мэм, – хихикнула Руфи.

– Что ж, пошли. Твоя комната готова, мороженое тебя ждет.

После того как гости устроились и Руфи открыла приготовленный для нее подарок, все уселись на веранде, за беседой угощаясь чаем со льдом.

– Сейчас вернусь, – вдруг сказала Иджи и скрылась в доме.

Через пару минут она появилась со стороны палисадника, в руках у нее была белая коробочка.

– Так, начинается, – шепнул Бад жене. Он распознал старый розыгрыш, которому некогда подверглись все дети Полустанка.

Иджи хитро взглянула на него и обратилась к девочке:

– Ой, что я нашла на заднем дворе! Хочешь посмотреть?

Любопытная Руфи подбежала к ней.

– Что там?

Она завороченно следила за манипуляциями Иджи, медленно приподнявшей крышку.

В коробке лежал человеческий палец на ватной подстилке.

– Видишь, кто-то потерял свой пальчик.

У девочки округлились глаза.

– Смотри, Руфи, он шевелится!

– Так это твой палец, тетя Иджи! – заверещала Руфь.

Иджи рассмеялась и посмотрела на ее родителей.

– Она у вас чересчур умная. Да уж, Руфи Тредгуд, тебя на кривой козе не объедешь.

На другой день все вместе рыбачили, купались, объедались морепродуктами. Бад, Пегги и Руфи вмиг загорели.

Каждый день Иджи уводила девочку в свою лавку и представляла ее всем покупателям:

– Познакомьтесь с моей племянницей Руфи. Она такая умная, что, наверное, станет президентом Соединенных Штатов или кинозвездой. Мы еще не решили, да, Руфи?

Через некоторое время она обратилась к Бад и Пегги:

– Послушайте, у меня назрел вопрос. Не одолжите ли вашу девочку на пару дней? Обещаю вернуть в целости и сохранности.

– Конечно, никаких возражений, – сказала Пегги.

Вечер выдался чудесный, и после ужина все собрались на веранде.

– Скажи, мисс Руфи, не желаешь ли вместе со мной отправиться в небольшое путешествие? – спросила Иджи.

– А куда?

– Это сюрприз, но я тебе намекну. Зажмурься и не открывай глаза, пока не скажу.

Когда поступило разрешение смотреть, Иджи предстала в шляпе Микки Мауса с огромными мышинными ушами.

– Угадай, куда мы едем.

– Куда?

– В «Мир Диснея»!⁶ Там работают мои знакомые, они устроят нам контрамарки на любые аттракционы. Только завтра надо встать пораньше. Ну, ты хочешь поехать?

– Да! Да! – запрыгала Руфи. – Мама, можно я поеду? Пожалуйста, пожалуйста!

Назавтра в половине седьмого утра Иджи и Руфи уже были на пути в Орландо, готовясь провести два дня в «Мире Уолта Диснея». Приятельница Иджи, управляющая одного из отелей, подготовила им сюрприз, забронировав для них номер люкс. Оставив вещи в гостинице, путешественницы вскочили в трамвай и покатали в парк, где с головой окунулись в развлечения. Полных два дня они поглощали всю вредную еду, какую только можно: попкорн, мороженое, сласти, хот-доги на палочках и прочее. Побывали на всех аттракционах, катались на карусели «Летающий слоненок Дамбо», дважды совершили «Полет Питера Пэна». Руфи фотографировалась с Белоснежкой, Гуфи и Золушкой, два вечера любовалась зрелищными фейерверками, угощаясь горячим шоколадом.

На второй день они, покружившись в гигантских чайных чашках, вышли на Главную улицу США, где увидели Микки Мауса собственной персоной, приветственно махавшего посетителям. Иджи тотчас направилась к нему.

⁶ Самый большой и самый посещаемый в мире центр развлечений в городе Орландо, штат Флорида. В его составе четыре тематических парка: Волшебный мир, Студия Голливуд, Царство зверей, ЭПКОТ (сокращение от Экспериментальный прототип сообщества будущего), а также 24 тематических отеля, магазины, кафе, рестораны, аттракционы.

– Привет, Микки! Меня зовут Иджи, а это моя племянница Руфи из Мэриленда. Можно ей с тобой сфотографироваться?

– Конечно, я буду счастлив! – пропищал Микки мультяшным голосом.

Наводя аппарат, Иджи сказала:

– Нам тут ужасно нравится, Микки. По-моему, это место, где царит радость.

Микки исполнил маленький танец.

– Спасибо, Иджи, мы тоже так считаем.

Следующим пунктом экскурсии стала «Сельская гулянка медведей»⁷.

* * *

Когда на третий день путешественницы вернулись домой, машина Иджи была заполнена мягкими игрушками, воздушными шарами с Микки Маусом, двумя шляпами Дональда Дака, музыкальной шкатулкой, игравшей «Мир тесен», и пластиковой сумочкой Белоснежки.

Выгружая сувениры, Пегги сказала мужу:

– Ты посмотри, сколько всего накуплено. Ребенок избалуется напрочь.

Бад улыбнулся.

– Ничего, детство бывает только раз, и потом, еще неизвестно, кому от этого больше радости – дочке или тете Иджи.

На другой день они увидели, как в палисаднике Руфи и соседские ребятишки разинув рты внимают Иджи, сочиняющей небылицы одну за другой.

– Поразительно, – сказал Бад. – Столько лет прошло, а она все такая же выдумщица.

* * *

В день отъезда гостей Иджи проводила их до машины. Опечаленная Руфи шла рядом, обхватив Иджи за талию.

Иджи приобняла племянницу.

– Ты помнишь, что я тебе говорила?

– Я самая красивая, самая умная и самая смелая девочка на свете.

– А еще?

– Смелые девочки не плачут.

– Правильно. Если эта парочка вдруг станет тебя обижать, сообщи мне, я приеду и задам им хорошую трепку, поняла?

Руфи вяло улыбнулась, кивнула и забралась на заднее сиденье. Иджи повернулась к ее родителям.

– Спасибо, что провели. Настанет день, и ваша девчушка потрясет мир, вот увидите. Я только жалею, что Руфь не дожила до встречи с ней.

– Я тоже, – сказал Бад.

Иджи взгляделась в заднее стекло.

– Пока, Руфи! Приезжай поскорее, ладно?

Машина тронулась, девочка смотрела назад, пока Иджи не скрылась из виду, потом заплакала.

– Что такое, милая?

– Я не хочу уезжать от тети Иджи!

– Я понимаю, дорогая, но мы еще сюда вернемся, – сказала Пегги.

⁷ Представление, в котором куклы-медведи исполняют музыку в стиле кантри.

* * *

Они собирались приехать. Но в заботах о клинике времени никак не находилось. В каждый день рождения Руфи с нетерпением ждала посылку из Флориды – ящик с четырьмя банками меда, двумя дюжинами апельсинов и запиской:

*Мисс Руфи
Желаю счастья!
С любовью,
тетя Иджи*

Через несколько лет Руфи сняла с туалетного зеркала свою фотографию с Микки Маусом, заменив ее снимком мальчика, в которого по уши влюбилась. И вскоре волшебная двухнедельная поездка во Флориду стала просто смутным воспоминанием о счастливой поре.

Руфи и Брукс

Виргинский университет

Октябрь 1984

Митси Грэм, миловидная пышка в юбке хаки, развалилась в кресле, закинув ноги на подлокотник, и, покуривая «Кент», жаловалась однокурсникам на соседку по комнате:

– Угроздило же меня поселиться с Руфи Тредгуд, первой красавицей универа! Это несправедливо. К моим сиськам да ее бы ноги, я бы правила миром! – Она пыхнула сигаретой. – А эти ее возмутительно длинные ресницы и кожа – умереть и не встать? Нет, честно, я по полчаса крашусь и укладываю волосы, чтоб можно было показаться на люди, а она спрыгнет с кровати, почистит зубы, напялит какое-нибудь старье и выглядит так, словно сошла с обложки журнала мод. – Очередная затяжка. – Хуже всего, что я, как ни стараюсь, не могу ее ненавидеть, потому что она чертовски милая. И, по-моему, даже не сознает, до чего она хороша. Идем на занятия, все парни на нее пялятся, а ей хоть бы хны.

Так оно и было. С годами Руфи Тредгуд превратилась в настоящую красавицу. Она неизменно пользовалась неослабным мужским вниманием, но ко второму курсу чаще отклоняла, чем принимала приглашения на свидание. Молодые люди казались ей слишком напористыми, слишком тупыми либо еще какими-то слишком отгалкивающими. Руфи поняла, что будет трудно, а то и невозможно встретить мужчину, столь же интересного и забавного, как ее папа. Пока что ни один из юношей, хоть чуть-чуть ее заинтересовавший, не отвечал меркам человека, который мог бы стать ее мужем. И посему она решила не тратить время зря, но сосредоточиться на карьере. Ее интересовал дизайн интерьеров, прошлым летом она поработала в журнале «Южная жизнь», а нынешним собиралась потрудиться в «Лучших домах и садах». Однако все эти планы строились еще до того, как она повстречала Брукса Ли Колдуэлла.

* * *

Одним субботним утром Руфи с полотенцем и мыльницей в руках шла в душевую. Митси плелась следом и канючила:

– Ну пожалуйста, ради меня, а? Если ты пойдешь на свидание с Бруксом, мой брат обещает свести меня с Таббсом Ньюсомом. Они однокурсники.

Руфи скорчила рожицу.

– Ты же знаешь, дорогая, парни из того корпуса не в моем вкусе.

– А что такого? Это лучшая общага универа.

– Ну не знаю, они какие-то спесивые и самовлюбленные.

Митси поперлась за ней в душевую.

– Не все, Брукс не такой, он вправду хороший. Моя мать знает его матушку. Ну одно маленькое свидание, а? Пожалуйста, Руфи. Таббс, он ужасный симпатяшка. Если я упущу свой шанс, то объежусь пончиков и умру. И ты будешь казниться.

Руфи засмеялась.

– Ладно, одно свидание. Только ради тебя.

– Ой, спасибо тебе, спасибо, спасибо!

– На здоровье. Теперь я могу принять душ?

* * *

Брукс Ли Колдуэлл, специализировавшийся в управлении бизнесом, видел Руфи всего один раз, когда она, опаздывая на занятия, бежала через двор студгородка. Провожая ее взглядом, Брукс локтем пихнул приятеля.

– Кто это?

– Руфи Тредгуд.

– Ты с ней знаком?

– Раз-другой виделись. Они с моей сестрой в одной комнате. Она, по-моему, из Мэриленда. А что?

– Я, кажется, влюбился, вот что. Устроишь свидание с ней?

– Что ж, можно, если одолжишь мне свою машину на выходные. Мы с Алисой хотим проشمыгнуть в вашингтонскую квартиру ее предков.

– Устроишь свидание, и машина твоя на целый месяц. Как же я раньше-то ее не видел?

– Потому что вечно сидишь, уткнувшись в учебник по экономике. Теперь понял, что ты пропускаешь?

В конце недели состоялось свидание двое на двое: Руфи и Брукс, Митси и Таббс. Когда вечером Брукс заехал за Руфи, вид его вполне соответствовал тому, что ожидаешь от недавнего выпускника престижной частной школы: гладко зачесанные волосы, белоснежная рубашка с воротничком на пуговках, мокасины на босу ногу. Хоть явно не ее тип, он бесспорно был хорош собой.

В угоду Митси, весь ужин Руфи старалась быть любезной и обаятельной, но Брукс подметил, что она украдкой поглядывает на часы. В конце вечера, провожая ее до дверей общежития, он сказал:

– Я знаю, что для тебя это было вынужденное свидание, и мы, наверное, больше не встретимся. Позволь обнять тебя на прощание.

Руфи слегка опешила. Обычно при расставании парни хотели иного, но вот когда руки его обвились вокруг нее, она вдруг почувствовала, как растворяется в нем и, что удивительно, уже не может сказать, где чье тело. Они совпали идеально. Точно фрагменты мозаики, занявшие свое место. Объятие было не слишком крепким и не слишком слабым. Оно было таким, как нужно. Внезапно Руфи ощутила себя сказочной принцессой Златовлаской. Да, и пахло от него приятно.

Когда он выпустил ее из объятий и медленно пошел к машине, Руфи услышала свой голос:

– Эй, Брукс!

– Что?

– Может... как-нибудь повторим?

Брукс облегченно выдохнул и отер взмокший лоб.

– Уф! Слава тебе господи! Идти медленнее я уже не мог. Завтра вечером?

Руфи кивнула.

– Обещаешь, – Брукс накренил голову, – что до той поры не выскочишь замуж?

– Обещаю.

Брукс отбежал к машине и, развернувшись, отвесил поясной поклон. «Однако, – подумала Руфи, – парень не только хорош собой, но и с чувством юмора». Она поняла, что либо угодила в беду, либо стоит на пороге чего-то дивного.

Еженедельник Уимс

Фэрхоуп, Алабама

1985

Срочная новость. Только что позвонила Пегги Тредгуд: ее дочь Руфи, которой скоро двадцать один год, обручилась с мистером Бруксом Ли Колдуэллом из Атланты, весной они поженятся. Всех поздравляем! Как вам титулы «бабушка» и «дедушка»? Готовьтесь – оглянуться не успеете, как это произойдет.

Кстати, я одна такая или все стали принимать больше лекарств? Нынче утром я оглядела все эти пузырьки с пилюлями для нашего с Уилбуром ежедневного приема: от давления, от сердца, для разжижения крови, кальций, пищевая клетчатка, таблетки для снижения холестерина, слабительное... В общем, ленты, кружева, ботинки – что угодно для души.

Противно сознавать, но я, кажется, старею. Вы знаете, что белки помнят, где запрятали десять тысяч орехов? А я вот не могу отыскать свои очки. Никогда не думала, что я глупее белки, но факт, друзья, остается фактом.

Ваша верная писака

Дот

P. S. Недавно где-то прочитала: возможно, на Марсе есть жизнь. Забавно, что люди так озабочены жизнью на других планетах, когда многие не знают даже собственных соседей!

Разные истоки

Атланта, Джорджия

9 ноября 1985

Руфи Тредгуд не могла дождаться, когда же ей стукнет двадцать один год. Давно мечтая об этом дне, она воображала себя светской дамой – спокойной, невозмутимой, самоуверенной. Но когда наконец день этот настал, возникла легкая тревога.

В прошлом году Руфи влюбилась в расчудесного парня – Брукса Ли Колдуэлла. Состоялась помолвка, вроде как ознаменовавшая самую счастливую пору их жизни.

Руфи знала, что любит суженого, но после знакомства с его семьей абсолютная разница в их истоках стала до боли очевидна. Ее собственную семью никто бы не назвал бедной. Отец зарабатывал вполне прилично. Однако Тредгуды, в отличие от родных Брукса, определенно не были «потомственными богачами». Семейства Ли и Колдуэллов пребывали в верхах финансовой аристократии Атланты. Их впечатляющий особняк за большими коваными воротами регулярно появлялся на страницах журнала «Великие дома Атланты».

Когда Руфи в первый раз провела выходные в доме номер один по Колдуэлл-сёркл, она почувствовала, что вроде бы понравилась отцу Брукса. Другое дело его мать, Марта Ли. Хотя она была исключительно вежлива, Руфи ощутила ее отчужденность и еле заметный флер неодобрения.

Всякий раз в этом доме девушка боялась допустить оплошность – что-нибудь разлить на прекрасный персидский ковер, что-нибудь разбить вдребезги или за обедом взять не ту вилку.

Вдвойне тяжело было узнать, что после свадьбы они с Бруксом поселятся в огромном прекрасном доме номер два по Колдуэлл-сёркл, под боком у свекра и свекрови. Руфи поделилась своим беспокойством с женихом: не лучше ли первое время жить в доме поменьше и подальше от родителей? Но Брукс искренне не понимал, в чем проблема: отказ от дома, сказал он, нанесет смертельную обиду папе с мамой. Руфи любила его безмерно, и что ей оставалось делать? Однако она представляла, как ей будет трудно следить за порядком в огромном доме, обитая вблизи источника своей нервозности. Помимо всего прочего, она обожала животных, в ее семье всегда была какая-нибудь живность, но на Колдуэлл-сёркл кошки и собаки были под категорическим запретом. Марта Ли страдала ужасной аллергией на шерсть.

Вообще-то никакой аллергии у Марты не было, но заявление о недуге немедленно положило конец дискуссии. Маленькая ложь оправдана, когда столько всего поставлено на карту. Коллекция изумительных предметов искусства собиралась долгие годы, и рисковать ею никак нельзя. Невозможно допустить, чтобы какая-то кошка точила когти о дорогие старинные гобелены на стенах или какой-то пес носился по дому, сшибая бесценные китайские вазы. Один из самых изысканных домов Атланты таким и должен оставаться.

Марта Ли Колдуэлл не вышла ростом, но благодаря идеальной осанке казалась выше. Природа не наделила ее красотой, однако высокие скулы и блестящие черные волосы, стянутые в фасонистый пучок на затылке, придавали ей впечатляющую величавость.

Она обладала аурой, которой многие завидуют, но мало кто имеет. В чем секрет? Марта Ли чрезвычайно любила себя.

Как всякий человек, она, конечно, испила свою чашу огорчений, однако всегда умела подняться над невзгодами. Марта одолевала любую жизненную каверзу, напоминая себе, что

благодаря прадеду с отцовской стороны она – прямой потомок прекрасной герцогини Каролины Ли, супруги герцога Эдмонда Джеймса Ли, владевшего величественным поместьем в английском Йоркшире, о чем упоминала даже в самой непринужденной беседе с абсолютно незнакомыми людьми. Всех, кто входил в ее гостиную, встречал большой портрет герцогини, висевший над камином. Правда, это была заказная копия с оригинала. Не важно. Все равно она член семьи.

На Колдуэлл-сёркл

Атланта, Джорджия

Весть о помолвке сына застала Марту Ли Колдуэлл врасплох. Она не поверила своим ушам, когда ликующий Брукс сообщил по телефону, что некая девица из Мэриленда согласилась стать его женой. Одно дело с девушкой проводить время, но жениться на ней? Марта потребовала, чтобы сын немедленно прибыл домой для серьезного разговора.

После беседы с отцом наедине и заверений, что девушка не беременна, Брукс был загнан в библиотеку, где мать засыпала его вопросами. Бедняга всеми силами пытался поведать о множестве прекрасных качеств своей избранницы, но в том не преуспел.

– Даже если она в студенческом совете, мало ли таких девушек, – сказала Марта.

– Мам, Руфи не просто в совете, она его председатель. И еще она победила в университетском конкурсе красоты. Руфи очень популярная личность. И вообще классная девушка. Знаешь, мне дико повезло, что она согласилась выйти за меня. У нее куча поклонников.

– Все это хорошо и даже прекрасно, но мы толком не знаем, из какой она семьи, откуда все они родом.

– Я же тебе рассказал.

– Да, верно, но сам посуди: пусть бы это был Мобил, Монтгомери или даже Бирмингем, это еще туда-сюда. Но Полустанок, Алабама? Страшно подумать, где они жили раньше.

– Мам, не заносись, а? И потом, они уже сто лет там не живут. По-моему, Руфи вообще никогда не бывала в Полустанке. А ее отец – известный в Мэриленде врач.

– Боже мой, он не настоящий врач, он ветеринар! Его пациенты кошки и собаки, что в них проку? Пойми, ты мой единственный сын, и я лишь забочусь о твоём будущем, твоём счастье. – Марта сделала печальное лицо. – Ох, Брукси, неужели в Атланта не найдется милой девушки тебе по нраву? Видит бог, я не кичусь своей фамилией, но – Тредгуд?⁸ Похоже на объявление от порт-нихи.

– Мама!

– Ладно, ладно. Однако я не стесняюсь признать, что Колдуэллы и Ли происходят из хороших старинных родов, и мы обязаны соблюдать определенный уровень.

Брукс закатил глаза.

– Я ничего не придумываю, сын, таков закон природы. Ветеринар, которого ты так превозносишь, со мною согласится. Чистокровного рысака не скрещивают с шетлендским пони.

– Господи, ты будто из другого века! Уже никто этим не заморачивается. Вот познакомись с ними и все поймешь.

Марта поняла, что успеха не добилась. Ошалевший от любви сын настаивал на встрече с родителями невесты.

* * *

После знакомства с Бадом и Пегги Тредгудами, специально ради этого приехавшими в Атланту, Марта, ужиная с супругом, вернулась к наболевшей теме.

– Линвуд, пока не поздно, ты должен поговорить с сыном.

– О чем?

⁸ *Threadgoode* – крепкая нить (англ.).

– Ты прекрасно понимаешь. Эти Тредгуды весьма милые люди, но...

– Больше никаких «но», Марта. Парень все решил, назад он не сдаст. И не надо. На мой взгляд, девушка просто обалденная.

– Я скажу, кто она такая. Дочь ветеринара из захолустного городишки, о котором никто слыхом не слыхивал.

Линвуд прикрыл глаза и вздохнул.

– Марта, несмотря на все твои или мои сомнения, он женится на этой девушке. И мы должны приложить все усилия, чтобы сблизиться с ней и ее семьей.

– Но, Линвуд...

Он поднял руку.

– Дай мне закончить. Нравится тебе это или нет, надо принять как данность, что когда-нибудь у нас с Тредгудами будут общие внуки. Не понимаю, отчего ты так расстраиваешься. По-моему, они вполне приличные люди. Он показался мне симпатичным, весьма приятным парнем, и жена его тоже очень милая.

Марта, надувшись, помолчала и затем выложила последний козырь.

– Ладно, не хотелось этого говорить... Я попросила Герту навести справки о добром докторе и его жене, которых ты считаешь вполне приличными людьми.

Линвуд отложил вилку.

– Марта, как не стыдно...

– Да, я это сделала. Знаешь ли ты, что его мать держала придорожное кафе, этакую забегаловку? А отец, по сведениям Герты, некий Фрэнк Беннетт из Джорджии, скрылся с глаз долой еще до рождения ребенка. Бросил беременную жену на произвол судьбы. Причем это лишь родословная доктора. Поди знай, что там у его жены. Вполне возможно, родня ее укладывала рельсы или что-нибудь в этом духе.

– Этим они зарабатывали на жизнь. И что такого?

– Что такого? Как же нам сойтись с подобными людьми? У нас совершенно ничего общего. – Марта состроила гримасу. – И еще эта его чудная рука. А с женой его я, разумеется, никогда не покажусь в клубе.

– Почему? По-моему, она очень приятная.

– Почему? Бог ты мой, Линвуд! Эта женщина носит брюки из синтетики и коллекционирует статуэтки лягушек!

– Что?

– Ты не ослышался, лягушек! Собрала уже больше двухсот штук. Рассказывала, что недавно нашла прелестный экземпляр – квакушка в одеянии Бэтмена. Ну что тут скажешь? – Марта испустила глубокий вздох. – Я так надеялась, что Брукс войдет в какое-нибудь семейство «Кока-Колы» или «Джорджия-Пасифик»...⁹ Но нет, он выбирает пустышку из никчемной семьи родом из неведомой дыры...

И тут Марта сделала нечто, совершенно ей не свойственное – расплакалась, уткнувшись в белую полотняную салфетку с монограммой.

Линвуд встал из-за стола и обнял ее.

– Ничего, все уладится, вот увидишь.

Марта подняла заплаканное лицо и кивнула.

– Просто я ужасно разочарована.

⁹ Корпорация по производству гигиенической бумажной продукции, одноразовой посуды, офисной бумаги, упаковочных и строительных материалов.

* * *

Вернувшись домой после знакомства с Колдуэллами, Бад сказал дочери одно:

– Милая, мы с мамой обожаем Брукса и необыкновенно рады вашему союзу, только помни, что ты вступаешь в мир богачей.

– Я знаю.

– Думаешь, ты к этому готова?

– Я надеюсь, папа.

– Что ж, от всей души тебя благословляем. Я обещаю прихорошиться и на венчанье выглядеть таким отцом невесты, какого еще не видывал свет.

* * *

На свадьбе, состоявшейся через полгода, Марта утешалась тем, что может представлять своего свата как «доктор Тредгуд». И молилась про себя, чтобы никто не вздумал выяснять его специальность. Что до сваты... Она милая, но подругами им не стать.

Еженедельник Уимс

Фэрхоуп, Алабама

1986

Маленькое уточнение. Вы, конечно, слышали о моем злосчастье. Виновата я сама. Зачиталась списком покупок и не смотрела, куда иду. Сейчас уже все хорошо. Бедро починили, работает отлично.

Рубрика «Век живи – век учись». Я-то думала, что все знаю, но, оказывается, даже не представляла, насколько все мы зависим друг от друга, покуда на парковке супермаркета меня не сбил грузовик, наградив открытым переломом ноги. В ту же минуту ко мне сбежались совершенно незнакомые люди. Одна дама тотчас вызвала «скорую», другая сидела со мной и держала меня за руку. Мужчина сгонял к своему фургону, принес одеяло и укутал меня, чтоб я не сомлела. Все, как один, оставались со мной до приезда «скорой».

Позже мне сказали, что я, наверное, истекла бы кровью, если б не быстрые действия тех, кто был на парковке, водителя и бригады неотложки. Люди, которых я сроду не знала, вдруг стали самыми главными в моей судьбе. Все они старались спасти мне жизнь, а я даже не знаю их имен, кроме имени того бедолаги, что меня переехал, дай ему бог здоровья. Он ничуть не виноват, но каждый день навещал меня в больнице, удостоверяясь, что я иду на поправку.

Я вот к чему: отныне я не слушаю угрюмых пессимистов, всеми силами старающихся убедить меня, что мир наш ужасен и люди в нем злы. Да, в семье не без уроды, но, уж поверьте мне, облик этого старого, пусть не идеального мира гораздо лучше того, каким его представляют.

Кстати, я тут наткнулась на высказывание Уильяма А. Уорда¹⁰ и хочу его привести: «Господь дал тебе 86 400 секунд в каждом дне. Ты потратил хоть одну, чтобы сказать «спасибо»?»

После всего пережитого уж я-то потратила.

Еще хорошая новость: Бад и Пегги Тредгуды сообщили, что их дочь Руфи родила им внучку, которую назвали Каролиной. Господи, как летит время! Кажется, лишь вчера сама Руфи появилась на свет. Сколько же мне лет? И не спрашивайте, не скажу.

В любом случае, наши поздравления маме и малышке!

Всегда ваша

Дот

P. S. Поделюсь смешной шуткой, присланной Иджи: вас достали родичи? Помните, что и на отменном семейном древе есть капли.

¹⁰ Уильям Артур Уорд (1921–1994) – американский публицист.

Силвер-Спринг, Мэриленд

1989

Была суббота, в гараже Бад, разложив инструменты на верстаке, починял скворечник, когда из дома донесся истошный вопль Пегги:

– О господи! Боже мой! Бад, скорее сюда!

Схватив молоток, Бад, готовый защитить жену бог знает от чего, кинулся в дом.

– Где ты? – крикнул он.

– Я здесь!

«Здесь» оказалось кухней. Пегги сидела у окна и смотрелась в круглое зеркальце размером с оладью.

– Что случилось? Ты ушиблась?

Пегги послала мужу обвиняющий взгляд.

– Почему ты не сказал, что у меня собачья радость?

– Что у тебя?

– На, смотри. Кожа на подбородке обвисла. Вот здесь, видишь?

Бад подошел ближе и посмотрел.

– Ну что? – Пегги оттянула кожную складочку. – Явная обвислость!

Бад придвинулся вплотную.

– Я ничего не вижу, милая, – сказал он недоуменно. – Разве что маленькую припухлость.

– Никакая это не припухлость! Это обвислость! Что я, припухлость от обвислости не отличу?

Бад понял, что жена уже все решила, и он в безвыходном положении: согласится – огорчит, возразит – опять же огорчит.

Пегги рассматривала себя в зеркальце.

– Как ты раньше-то этого не заметил? Вот, смотри. – Она туда-сюда повертела головой. – Ох, я старею некрасиво.

– Душенька, ты выглядишь прекрасно и совсем не меняешься, все такая же красавица.

– Ты мой муж и смотришь на меня сквозь призму любви. Другие-то все подмечают, это уж точно.

Бад видел, что жена его расстроена неподдельно, и попытался найти способ ее утешить.

– Слушай, Рыжик, а что если я угощу тебя обедом в «Сельском уголке»? Как насчет жареной окры, спаржевой фасоли и старого доброго кукурузного хлеба? Думаю, тебя это взбодрит. Что скажешь?

– Ну да, конечно, а все вокруг будут говорить: «Вон доктор Тредгуд обедает со своей матушкой».

Бад рассмеялся и обнял жену.

– Брось, милая, все это несерьезно. Иди одевайся, а после обеда прошвырнемся по магазинам. Годится?

Пегги, большая поклонница кукурузного хлеба в «Сельском уголке» и торгового центра, не сразу, но сдалась.

– Ладно. Только обещай одну вещь.

– Какую?

– Дай слово, что никогда не будешь носить очки.

– Клянусь. Ты навеки останешься прекрасным размытым пятном.

Пегги ужасно не хотела стареть. Бада это не заботило, он любил в ней все, даже ненавистные ей конопушки. Оглядев себя, Пегги сказала:

– Я похожа на Хауди-Дуди¹¹.

– Женщины, глядя в зеркало, считают, что выглядят кошмарно. Мужчины в зеркало не смотрятся и уверены, что выглядят прекрасно. Чаще всего и те, и другие заблуждаются.

¹¹ Кукла-марионетка, персонаж популярной детской телепередачи: разбитной парень, рыжий и конопатый.

Курорт Каллауэй Гарденс

Пайн-Маунтин, Джорджия

28 ноября 1993

Дот Уимс не ошибалась в том, что время летит. У Каролины Ли, семилетней дочери Руфи, уже был братец Ричард четырех лет.

Нынешний День благодарения семья решила провести на курорте Каллауэй Гарденс, что в Пайн-Маунтине, Джорджия, и, взяв недельный отпуск, сняла просторный домик на берегу озера. Праздник отметили вместе с Бадом и Пегги, приехавшими из Мэриленда и теперь уже отбывшими домой.

Брукс и Руфи сидели на берегу, наблюдая, как их дети играют с другими ребятами.

– Ты была права, сейчас я понимаю, что мне и впрямь требовался хороший отдых, – сказал Брукс. – Правда, мать до сих пор бесится, что мы пренебрегли празднованием в ее клубе. Но как же здорово было пообщаться с твоими стариками.

– Каролина, прекрати лупить брата и отдай ему панамку! – крикнула Руфи. – Я кому сказала!.. – Она повернулась к мужу. – Да, хорошо, что мы повидались. Я понимаю, как было трудно отказать твоей матери, но пусть дети знают и других бабушку с дедушкой. Одних-то они видят каждый день.

– Верно. – Брукс откинулся в шезлонге и, сбросив туфли, зарыл ступни в песок. – Знаешь, я восхищаюсь твоим отцом. Он рассказал, что с детства хотел быть ветеринаром и не позволил ничему перекрыть путь к его мечте.

– Он такой. Всегда говорил, что можно стать кем угодно, было бы желание.

Брукс погрустнел.

– Когда я был маленький, я хотел стать... только не смейся... лесничим.

– Правда? Ты никогда не говорил.

– Я пропадал в леске за нашим домом и мечтал жить в бревенчатой избушке возле озера, вдали от всей этой мышинной возни... Но мечте не суждено осуществиться.

– Почему? Я была бы рада, если б ты посвятил себя любимому делу.

Брукс улыбнулся.

– Я ни секунды в тебе не сомневался. Господи, как же мне с тобой повезло! Ты золото.

– Спасибо, милый, но я говорю серьезно. Мне не нужен огромный дом и все такое. Я хочу, чтобы ты любил свою работу.

– Я знаю. Но то была лишь детская мечта. И потом, отец рассчитывает на меня, надеется, что я приму его дело. В моем возрасте он совершил то же самое для своего отца. И ни за что на свете я не хотел бы его подвести. Он от меня зависит. Я обещал: случись что с ним, я сохраню его бизнес и позабочусь о матери. Ты умничка, что уживаешься с ней, хоть это нелегко. Поверь, так будет не всегда. – Брукс помолчал. – Последнее время я вот о чем думаю: когда дети оперятся, мы возьмем и продадим наш дом, купим себе где-нибудь хижину в горах и начнем путешествовать. Я так хочу свозить тебя в Париж, Лондон, Рим... Или обзаведемся большим автофургоном и будем колесить по Штатам, по всем примечательным местам.

– Автофургон? – изумилась Руфи. – Представляешь лицо твоей матери, когда она узнает о нашей покупке?

Брукс рассмеялся.

– Нет, лучше не представлять. Но как тебе моя идея?

– Милый, если ты этого хочешь, мы так и сделаем. Только обещай, что перестанешь так убиваться на работе. Мы с детьми тебя почти не видим.

– Даю слово, просто сейчас там страшный завал. Отец заболел, и накопилась куча нерешенных вопросов, с которыми не справится никто, кроме меня.

Тут завопила Каролина, игравшая на мелководье:

– Мама, а чего Ричард брызгается?

– Она первая начала! – крикнул Ричард.

– А вот и нет!

– А вот и да!

Руфи перевела взгляд с брызгающихся малышей на мужа.

– Я запомнила, кто это предложил завести детей?

– Да я уж и не помню, – рассмеялся Брукс.

Бад в двух словах

Силвер-Спринг, Мэриленд

2009

Хоть белый как лунь, долговязый Бад Тредгуд оставался привлекательным мужчиной. Нынче утром он, соблюдая еженедельный воскресный ритуал, поговорил по телефону с дочерью. Дав отбой, Бад улыбнулся. Порой дочка смешила его до слез. Она вечно выдвигала совершенно безумные идеи: предлагала ему сделать модельную стрижку, купить новые очки, обзавестись протезом со всякими прибабасами, выбросить старенькую клетчатую кофту, которой было полвека, заняться гольфом. Ничего этого он не хотел, но, поупиравшись, всегда исполнял ее желание. Ну почти всегда. Свою любимую клетчатую кофту он по-прежнему надевал, если дочери не было рядом.

Днем, когда жена прилегла отдохнуть, Бад, решив разделаться с очередным дочкиным пожеланием, сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги и взялся за перо.

Руфи, Каролине, Ричарду и всем, кому вдруг есть дело до старого хрыча из Алабамы.

Я начинаю свое жизнеописание или мемуары (называйте, как вам угодно) с признания, что затеял все это лишь во исполнение каприза моей дочери. Я не строю иллюзий касательно своей жизни и не считаю ее настолько значимой, чтоб была необходимость запечатлеть ее на бумаге. Однако Руфи где-то вычитала, что каждый должен записать свою жизненную историю в назидание семейным потомкам. И сделать это, куда не отказала память. Ну вот, извольте.

*Я в двух словах
Краткая история*

Меня зовут Джеймс Бадди Тредгуд младший, сейчас мне семьдесят девять лет. Родился я 14 декабря 1929 года в городке железнодорожников Полустанок, штат Алабама. С момента моего прибытия в этот мир все вокруг говорили, что свет не видел такого очаровательного мальчика, но потом я неоднократно слышал подобное высказывание в адрес всех других младенцев, включая не особо симпатичных.

Моя мать Руфь Анна Джемисон родилась в 1905 году в Валдосте, Джорджия. Отец мой, Фрэнк Корли Беннетт, тоже родом из Валдосты. К моему появлению на свет родители уже разошлись, и мать жила у своих друзей в Алабаме.

Хоть я никогда не видел отца, зла на него не держу. Меня официально усыновила семья Тредгудов, дав мне имя в честь их сына Бадди, который погиб еще до моего рождения. Честно скажу, у меня было очень счастливое детство. Меня растили две женщины: мать и ее лучшая подруга Иджи Тредгуд, а помогал им весь городок. Я ничем не отличался от большинства ребятшек Полустанка. В шесть лет я лишился руки по локоть, то была

нелепая случайность, но происшествие это, насколько я помню, не погасило мою радость жизни. А уж питался-то я лучше всех, поскольку мать и тетя Иджи держали кафе. Если обитаешь в том же доме, голодным не останешься точно.

К несчастью, в 1947-м моя мать умерла от рака. После школы я, следуя настойчивым увещаниям тети Иджи (в виде угрозы пинка под зад, если ослушаюсь), поступил в технический колледж, а затем перевелся в Обернский университет, где изучал ветеринарию. В 1954-м я женился на Пегги Энн Хэдли, самой красивой девушке Алабамы, о чем ни разу не пожалел. Вся свою жизнь я был с любимой. По окончании моей военной службы в 1966 году мы переехали в Силвер-Спринг, Мэриленд. В 1964-м мы были ошарашены появлением нашей дочери Руфи, и позже та преподнесла мне величайший дар – двух внуков, которых можно баловать.

Дочь велела пересказать мое жизнеописание историческими фактами, и посему я сообщаю, что рос в правление президента Франклина Делано Рузвельта. Помнится, я слушал его по радио, которое наряду с еженедельным походом в кино было главной радостью моего детства. Тогда стояла Великая депрессия, но не скажу, чтобы она как-то отразилась на моей жизни. В огороде на заднем дворе тетя Иджи выращивала овощи, мы всегда держали изрядно кур и свиней. Грандиозным историческим событием, которое произошло на моих глазах, стал, пожалуй, День победы над Японией в 1945 году. Когда эту новость передали по радио, весь город высыпал на улицы, люди горланили, колотя в котлы и сковородки. Из окон всех проходящих поездов высовывались пассажиры, которые во всю ночь вопили, неимоверно счастливые тем, что война окончена и ребята наши возвращаются домой. А второй самый памятный день был, наверное, в июле 1969-го, когда наши парни высадились на Луне.

У меня скопились кое-какие сбережения, но всю жизнь я обладал тем, чего не купишь ни за какие деньги: близкими, которые любили меня и которым я платил любовью в ответ.

Ну вот, пожалуй, и все, если только что-нибудь достойное упоминания не произойдет в оставшееся мне время, в чем я сильно сомневаюсь, поскольку в моем возрасте уже давным-давно едешь с ярмарки.

Короче, как говорит молодежь, я шлю огромный привет всем будущим правнукам. Чертовски жаль, что мы не свиделись, поскольку все вокруг говорят, что я самый очаровательный и веселый старик на свете. Ну, пока, желаю вам удачи во всех ваших начинаниях.

С. О. Б. (то есть Старый Очаровательный Бад)

Демобилизовавшись в чине капитана, Бад шутил, что теперь он дважды вет – ветеринар-ветеран. Когда он впервые заявил о своем выборе профессии, в успехе его сомневались многие, но только не Пегги и, разумеется, тетя Иджи. Как всегда, она поддержала его на все сто процентов и сказала одно: «Ты сможешь».

Бад был не глуп. Он понимал, что однорукому врачу придется туго. Однако это казалось пустяком по сравнению с тем, что выпало на долю другим. Бад все видел своими глазами. В 45-м с войны приходили солдаты с половиной лица, без обеих рук и ног. Некоторых била крупная дрожь, так и не унявшаяся после тяжелой контузии.

Так что, увечье Бада было, можно сказать, всего лишь «занозой в заднице», таким досадным неудобством. К счастью, правая рука была целехонька, и многие просто поражались тому, что он лихо орудует одной рукой, помогая себе первоклассным протезом. На вопросы, как же

это возможно, Пегги отвечала, что мужа выручает хорошее чувство юмора. Бад, отличавшийся очень серьезным отношением к работе, но не к собственной персоне, часто говорил: «Лучше нехватка рук, нежели мозгов».

Физический недостаток ограничил его в хирургии, зато он весьма преуспел в диагностике и терапии. Как следствие, отставному капитану предложили открыть свою клинику в Силвер-Спринг, Мэриленд. Поначалу они с Пегги думали отказаться, им не хотелось уезжать так далеко от Иджи, но предложение открывало большие возможности. Бад позвонил во Флориду и спросил, что тетушка об этом думает. «Отлично, Бадди. По-моему, замечательный вариант, – сказала она и тотчас отменила тревогу по поводу большого расстояния, которое их разделит: – Обо мне не беспокойся. Я всегда здесь. И потом, кто его знает, вдруг я возьму и нагряну к вам сюрпризом». В этом была вся тетя Иджи. Всегда полна сюрпризов.

Заклинательница пчел

Полустанок, Алабама

1936

Как всегда по весне, шестилетний Бадди Тредгуд младший босиком гонял по улицам, однако нынче напоролся на гвоздь, который накрепко застрял в его ступне. Когда Бад допрыгал до кафе, Иджи тотчас его схватила и, перекинув через плечо, отнесла к доктору Хэдли. После того как тот извлек гвоздь, промыл и забинтовал ранку, она доставила мальчика домой. Бад ничуть не расстроился из-за того, что остаток утра провел в постели и, задрав ногу, листал комиксы.

Иджи вернулась в кафе как раз вовремя, чтобы помочь встревоженной подруге справиться с последней волной посетителей, желавших позавтракать.

– Все хорошо. – Иджи усмехнулась и цапнула фартук. – Он не плакал, даже не пикнул. Доктор Хэдли говорит, невиданно храбрый мальчик.

– Правда?

– А то. Ему хоть бы хны, а вот я чуть не грохнулась в обморок, когда док вытаскивал гвоздь. Бадди молодчина. Я бы орала как резаная.

Иджи так гордилась отважным племянником, что решила вознаградить его чем-нибудь особенным. Днем, разделавшись с готовкой к обеду, она вошла в комнату Бадди и, подав ему курточку и кепку, сказала:

– Одевайся, мужичок. Кое-куда прокатимся.

– Куда?

– Не важно. Я хочу кое-что тебе показать.

– Что?

– Не скажу, иначе сюрприз пропадет. Только, смотри, не проболтайся маме.

– Ладно.

– Честное скаутское?

– Да.

– Хорошо. Двинули.

Бадди соскочил с кровати. Что бы там тетушка ни задумала, наверняка будет интересно и весело. Сели в машину и выехали на незнакомую дорогу, тянущуюся вдоль железнодорожных путей.

– Куда мы едем?

– Скоро узнаешь, дружок.

Машина свернула на разъезженный проселок и через несколько минут остановилась на краю большой зеленой поляны возле озера Дабл-Спрингс.

– Приехали.

Они вышли из машины, Иджи усадила мальчика в сторонке.

– Будь здесь, сиди тихо. Что бы ни случилось, не шевелись. Иначе испортишь сюрприз, ты понял?

– Понял. – Только сейчас Бадди заметил оттопыренный карман тетушкиной куртки. – Что там у тебя?

– Много будешь знать, скоро состаришься. Просто сиди без лишних вопросов. Сейчас ты увидишь мое секретное волшебство.

Иджи прошла к дереву на другой стороне поляны и, обернувшись, улыбнулась племяннику. Потом достала из кармана стеклянную банку и сунула ее глубоко в дупло дерева. Далее произошло нечто невероятное. Послышался громкий гул, вслед за которым уйма пчел облепила Иджи и дерево. Разинув рот, Бадди смотрел, как тетка медленно вынимает из дупла банку, полную медом, и, окруженная пчелами, идет обратно.

– Ух ты... ух ты... – только и смог сказать он. – Как ты это сделала, тетя Иджи?

– Я прирожденная заклинательница пчел, если хочешь знать.

– Правда? А кто это?

– Человек, которого пчелы любят и никогда не жалят.

– Ух ты! А мама про это знает?

Иджи нахмурилась.

– Нет. И ты ей ничего не говори, идет?

– Идет.

– Это будет страшной тайной, которую знаем только мы.

– Ух ты!

Разумеется, это было бессовестное вранье. Руфь знала о пчелином дереве, года три назад ей продемонстрировали этот фокус. Но Иджи хотела, чтобы мальчик почувствовал себя особым, каким он был для нее. И всегда будет.

На обратном пути они заехали к Нинни Тредгуд и отдали ей мед. Та рассыпалась в благодарностях, поскольку обожала бисквиты с медом на завтрак. Домой вернулись уже к вечеру.

– Где вас носило, шалопаи? – улыбнулась Руфи, выпуская их в кафе.

Иджи прошмыгнула мимо нее.

– Да так, прогулялись. Верно, Бадди?

– Ага, – сказал Бадди, стараясь не рассмеяться.

* * *

Позже, уложив сына в постель, Руфь поделилась:

– Нынче он такой радостный. Куда ты его возила?

– Не скажу, – улыбнулась Иджи. – Это секрет.

– Ох уж эти твои секреты! – засмеялась Руфь. – Могу спорить, вы были в бильярдной, да?

– На устах моих печать.

Поездка к пчелиному дереву была совершенно невинным секретом. Однако имелось и нечто другое, отнюдь не невинное, что утаивалось от подруги. Вынужденно. Иначе был риск потерять Руфь и Бадди навеки.

Атланта, Джорджия

2009

Краткость отцовского жизнеописания слегка разочаровала, но не удивила Руфи. Преуменьшить свои многочисленные достижения было вполне в его духе. Он даже не упомянул, что некогда был футбольной звездой. Руфи хранила все вырезки из бирмингемских газет: «Однорукий квотербек приводит школьную команду к чемпионству штата».

Отец умолчал о многом. Он не считал нужным сказать, что основал собственную ветеринарную лечебницу, в которой теперь было восемь врачей и двадцать с лишним сотрудников. Даже своей единственной дочери он не поведал о том, что много лет выделял деньги на лечение увечных солдат, и она узнала о том лишь после того, как Ассоциация ветеранов зарубежных войн присудила ему награду. Отец не сказал, что, несмотря на свою инвалидность, с отличием окончил университет. Только от матери Руфи об этом узнала. К ней часто подходили совершенно незнакомые люди и говорили добрые слова об ее отце, который им помог. На вопрос, почему он никогда о том не рассказывает, отец ответил: «Милая, да я уж как-то и забыл».

Отец постоянно ссужал деньгами всякого встречного-поперечного, излившего душещипательную историю, и никогда не отказывал в помощи животным по причине безденежья их хозяев. Мать говорила, это фамильная черта Тредгудов. В Великую депрессию тетя Иджи кормила всех бедняков в округе.

По словам матери, Бад, ко всему прочему, был ужасный врун. Вот что она рассказывала:

– Твой отец врет, даже когда проще сказать правду. Нынче утром в клинике я зашла в туалет и учуяла табачный дым. Бад, говорю, ты куришь, хотя обещал бросить? Он смотрит мне в глаза и отвечает: «Я не курю, это запах кошачьей мяты». Я знаю, говорю, как пахнет кошачья мята, отнюдь не табаком. А он мне: «Это редкий сорт, который доставляют из Индии».

– Да уж, папа умеет сплести небыхлицу! – рассмеялась Руфи.

– О да, это у него от тети Иджи. Вот уж кто мастер на всякие басни. Бывало, насочинит невесть чего, да еще на полном серьезе. Однажды кто-то из приятелей-охотников отдал ей старое облезлое чучело оленьей головы, которое она тотчас повесила в кафе и всех уверяла, что это чрезвычайная редкость – двухсотлетняя сибирская антилопа. – Пегги усмехнулась. – Она была гораздо на всякие чокнутые проказы. Мать мне рассказывала, что однажды Иджи пробралась в дом преподобного Скруггинса, когда там устроили стирку, и украла его исподнее. Кальсоны и рубашку набила соломой, сверху приладила шляпу и в церкви усадила чучело на переднюю скамью слушать воскресную проповедь. Она обожала такие выходы.

Характер у нее был тот еще, и сейчас я думаю, что она просто опередила свое время. Иджи была независимой задолго до всяких женских движений. Она имела собственный бизнес и всегда поступала по-своему. Никто не мог ей указывать, как и что делать, кроме твоей бабушки Руфи. Вот ее она слушалась. Помнится, одно время Иджи крепко выпивала и в клубе просиживала за картами до первых петухов. Не знаю точно, но, похоже, Руфь хорошенько ее приструнила, ибо она быстро взялась за ум. По-моему, с той поры Иджи носа не казала в Ривер-клубе.

– А какая она была, бабушка Руфь?

Пегги посмотрела на дочь и улыбнулась.

– Вы с ней очень похожи. У тебя такие же густые волосы, только чуть светлее. Она была темная шатенка. Высокая, как ты, стройная и красивая. И очень милая. В приходской школе она вела уроки по Священному писанию, все мы ее просто обожали. – Пегги вздохнула. –

Умерла совсем молодой. Всего сорок два года. Так жаль. На похороны пришел весь город. Иджи и твой бедный папа были безутешны. Довольно скоро он уехал в колледж, это помогло ему отвлечься. А вот тетя Иджи, по-моему, так и не оправилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.